

Мы победили!

Переезд – занятие всегда интересное!

Переезд моей семьи случился в преддверии зимы. Нам новая квартира понравилась, как только переступили порог. Мы с братом влюбились в нашу новую комнату. Устроило всё! Поэтому попросили родителей не начинать в ней ремонт, пообещали навести порядок, обустроить всё так, как обоим захочется.

При входе в комнату обратили внимание на кладовую: слева установлены полки для одежды; сверху – антресоль; если смотреть прямо перед собой, то можно увидеть перекладину для гардероба; на стене справа – высокое зеркало.

Антресоль с мамой разделили поровну: правую часть заняла она консервацией, левую я книжками. Две нижние полки выделили себе папа с братом. Брат заполнил самый низ коробками с школьными поделками и игрушками, скопившимися за несколько лет.

В следующий понедельник родители были на работе, брат на учёбе, а я проводил последние дни каникул, лёжа на кровати, дочитывая сборник рассказов любимого автора. Меня прервал мерцающий свет в кладовой, по старой привычке забыл его отключить. Когда подошёл, лампа мигать перестала.

Прожив неделю в новом жилище, заметил, что «что-то» загадочное начало притягивать меня в кладовой...

Вернув книгу на место, совершенно случайно, нащупал «нечто» тонкое, хрустящее. Этим «чем-то» оказался стебелёк ромашки. И здесь мне стало интересно: нет ли там ещё чего-нибудь? Встал на носочки на краю нижней полки (что может показаться немного странным для девятнадцатилетнего парня), начал шарить ладонью за книгами, консервацией и вдруг коснулся «чего-то» шуршащего – нашёл крупный чёрный пакет.

– Ну-ка, что это у нас? – спросил я вслух.

Спустился на ковёр, отправился к кровати и вытащил содержимое: галифе, гимнастёрку, ремень и пилотку с золотой и красной звёздами, неношенные сапоги...

Внутри мной овладело странное чувство, бьющее через край. Чтобы успокоиться, изо всех сил выдохнул, затем набрал воздуха и снова выдохнул. Не терпелось надеть найденные вещи и прогуляться по квартире, посмотретья в зеркало – узнать, как сидит форма.

Стопы нырнули в кирзовые сапоги, остальное уже было на мне. Надел через плечо ремень настоящей советской винтовки, встал посреди кладовой напротив зеркала. Взглянул на отражение ромашки в правой руке, как в детстве, гадая на любовь, оторвал лепесток: под ногами ковёр сменился землёй, щебнем, травой, еле заметной дымкой тумана... мгновенье спустя следа не осталось от полок с одеждой, антресоли с консервацией и книгами – ничего уже не было.

Теперь я сидел обдуваемый тёплым, по всей видимости, летним ветром в кустах неизвестного широколистственного растения. Через дорогу напротив стояло разбомбленное двухэтажное здание, его табличка над входом более-менее разборчиво гласила: *Г.сн.мал. СССР.*

Я убрал ромашку в нагрудный карман.

У дверей стоял, переминаясь, доктор, держал за руки мальчика и девочку. Вывел, конечно, не по своей воле – под дулом фрицевского пистолета.

Всего у госпиталя стояло два немца: первый следил за доктором, второй принимал детишек, собирался погрузить их в кузов и, скорее всего, увезти в один из концлагерей. Как только дети оказались у второго немца, первый избавился от доктора, потому что тот сопротивлялся, не желая ехать с ними. Выстрел эхом прокатился по городу...

– Не бойся, Ася! А ну не трогай, отцепись от неё, немчура поганая! – кричал, вырываясь, мальчишка с грязным лицом и в рваной одежде. Он сопротивлялся, пытался бить солдата свободной рукой, сжатой в кулак, но этим лишь рассмешил немцев.

– Мишка... Миша, помоги-и-и... – не переставала кричать девочка, оказавшись в кузове.

Я не мог допустить, чтобы детей увезли. Чувствовал страх от осознания того, что сейчас придётся стрелять в людей, но другого выхода не видел. Обращаться с оружием меня научили на занятиях в тире, поэтому, не раздумывая, я снял винтовку (*хотя и не знал, сколько в ней патронов*), прижал приклад к плечу, задержал дыхание, поймал в крестовине прицела одного из немцев и выстрелил...

Первый солдат упал на землю. Второй от испуга, словно котёнка, закинул мальчишку в кузов, взялся за автомат и принялся растерянно водить им по сторонам.

– Либо сейчас, либо никогда! – мои руки уже не дрожали, как перед первым выстрелом.

Пока перезаряжал винтовку, немцу удалось добежать до кабины водителя, и он бы залез, но следующий выстрел его опередил. Солдат прислонился к открытой двери, застыв, как статуя.

Из кузова послышались плач девочки и мальчишеский голос:

– Асенька, не бойся, нас спасут!

Я огляделся по сторонам, убедился, что поблизости больше никого нет, убрал за спину винтовку и гуськом пересёк дорогу, покрытую трещинами.

– Эй, ребята, вылезайте, – шёпотом позвал я.

Первым из-под коричневого брезента выглянул мальчик, следующей – девочка.

– Всё кончилось! Только тихо! – попросил я.

Мальчуган спрыгнул самостоятельно.

– Ася, давай, теперь ты, – сказал он, когда я протянул руки девочке в красном потрёпанном платице.

Ребятишки стояли рядом и смотрели на меня голубыми глазами полными слёз, чистой любви, искренности. Я старался поблагодарить их за смелость и желание жить. Но между нами, словно встала прозрачная вековая стена, из-за которой дети меня вовсе не слышали. Потому мы с ними прикоснулись друг к другу ладонями и улыбнулись.

Спустя мгновение невольно нашёл в кармане галифе сложенный листок бумаги, прочёл и отдал мальчику.

– Мы победили! – прочёл он.

Я вновь обменялся с детьми взглядом.

Ася и Мишка взялись за руки и, помахав мне на прощание, скрылись за поворотом улицы.

Пару секунд я ловил воздух военного времени, потом достал ромашку и оторвал лепесток.

Полки. Антресоль. Зеркало... Всё вернулось на свои места. А я стоял в кладовой в домашней одежде, глядя на собственное отражение с увядшей ромашкой в руке.

Александр Денисенко, 2015-16 г.